

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

**ЕСЛИ ВАМ
ДОРОГА ЖИЗНЬ**

Этот план я вынашиваю давно. И если я тебе его открою,
он уже не будет моей тайной, верно? Так что назад пути нет.
Либо ты со мной, либо ты покойник...

Дж. Х. Чейз

Джеймс Хэдли Чейз

Если вам дорога жизнь

«Азбука»

1971

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д.

Если вам дорога жизнь / Д. Чейз — «Азбука», 1971

ISBN 978-5-389-18918-8

Пок Тохоло – настоящий мастер рэкета. Ему нет равных в умении внушать страх, парализующий волю, легко открывающий самые пухлые кошельки. Вместе с подельниками он в два счета превращает Парадиз-Сити в городок, охваченный паническим страхом...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18918-8

© Чейз Д., 1971
© Азбука, 1971

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джеймс Хэдли Чейз

Если вам дорога жизнь

© М. А. Загот, перевод, 1991

© Е. А. Королева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Мег проснулась внезапно, словно от толчка, хотя проспала они от силы час. Оторвала голову от рюкзака, что служил ей подушкой, и тревожным взглядом обвела залитую лунным светом пустую комнату. Над собой она увидела густую гирлянду провисшей паутины, по потолку шествовал гигантский паук.

– Жутью какой-то веет, – сказала она Чаку, когда они выломали двери. – Для привидений самое подходящее место.

Но Чак не страдал от избытка воображения. Он загоготал:

– Ну и ладно... Составим им компанию. Все лучше, чем эти чертовы комары.

На этот заброшенный дом они наткнулись, когда сошли с шоссе номер 4 в поисках ночлега. Вскоре после того, как они ушли из Гулдса, городка лимонов и картофеля, деньги у них кончились. Чак пытался подработать на одной из упаковочных фабрик, но ему дали от ворот поворот. Волосы до плеч, борода, а запах? Последний раз ему удалось помыться в Джексонвилле – для работодателей все это было никуда не годной рекомендацией.

Пустынный дом стоял в зарослях чахлах пальм и буйно растущего кустарника. Это была двухэтажная усадьба колониальных времен, крышу с фасада подпирали шесть квадратных колонн; видимо, дом когда-то принадлежал богатому южанину и производил на его гостей солидное впечатление.

Мег даже заохала: неужели хозяин не нашел покупателя на такие хоромы? И что это за хозяин такой?

– Нам-то что? – ответил на ее недоуменные вопросы Чак, подошел ко входным дверям и как следует саданул ногой по массивному железному замку. Просевшие двери открылись. Одна сорвалась с петель и грохнулась наземь, взметнув облако удушающей пыли.

Мег отпрянула:

– Не хочу я там спать... там жутко!

– Не утомляй! – Чак был не в настроении, чтобы выслушивать этот суеверный бред. Ему хотелось есть, он устал, на душе было мутно. Схватив Мег за руку, от втащил ее в пропыленную тьму.

Спать они решили на втором этаже: окна первого были заколочены досками. А на втором – стекла, хоть и грязные, пропускали лунный свет, и можно хоть как-то распаковаться. А широкая лестница, что вела наверх, – вот это да! Мег представила себе, как по этим ступеням спускается, скажем, Скарлетт О'Хара во всем своем великолепии, а снизу, из большого холла, на нее восторженно взирают поклонники и обожатели. Но этими мыслями делиться с Чаком она не стала. Она знала: он поднимет ее на смех, вот и все. Чак жил сегодняшним днем, и только. Даже будущее для него – сплошь белая пелена. И вот неведомо от чего она проснулась; сердце билось как-то неровно. Она стала вслушиваться в ночь.

Дом жил своей жизнью. Долетавший с Бискейнского залива ветер негромко постанывал под свесами крыши. Что-то пришепывали ключья обоев. Поскрипывали половицы, где-то внизу от ветра распахнулась дверь, и проржавевшие петли визгливо просигналили об этом.

Мег еще минутку прислушивалась, потом, хотя тревога и не улеглась, решила: надо спать. Она посмотрела на Чака: он лежал на спине, рот приоткрыт, прядь длинных невымытых волос упала на лицо. Даже со своего места она чувствовала его запах, но что поделаешь? От нее и самой небось пахнет не лучше. Ладно, вот доберутся они до моря, искупаются, и проблема отпадет сама собой.

Она подняла глаза к потолку, вытянула длинные ноги, провела рукой по пышной груди, укрытой протертым до дыр грязным свитером.

Она уже привыкла к жизни, полной лишений, привыкла довольствоваться малым. Тут были свои преимущества; по крайней мере, она вольна идти куда хочет и жить как хочет, а для нее это уже немало.

Она вспомнила отца, работавшего за гроши страховым агентом, занудную матушку. До семнадцати лет она мирилась с ними, хотя уже в четырнадцать решила: уйдет из дому, едва почувствует в себе силы уйти. Этот затхлый мирок среднего класса – она в нем просто задыхалась. И когда в ее жизни появился Чак, она сказала себе: пора.

Чак был старше ее на четыре года. Она тогда отправилась в кино, одна – такое случалось редко, подружек всегда хватало. Но именно в тот вечер ей хотелось побыть одной. Родителям она сказала, что идет в кино с Ширли. Родителям надо было всегда знать, с кем она идет и куда, и она всякий раз им врала, потому что знала: им и в голову не придет проверить – простофили. Она врала, даже когда шла куда-то с Ширли, говорила, что идет с Эдной. Пудрить мозги родителям – в этом был особый смак. Да они небось и не слышали, что она им говорила. Сидят себе, уткнувшись в телевизор, и всегда одно и то же напутствие: «Счастливо, милая, гуляй, только не поздно». Ее так и подмывало сказать, что сегодня у нее свидание с Фрэнком Синатрой, – ведь и ухом бы не повели!

Фильм оказался страшной скукотищей, она не высидела и половины, ушла. Но на улице стала себя корить. Ведь еще только девять часов. Ну ушла из кино, а что дальше? Вечер душный, знойный, да и не бродить же по улицам. А идти некуда, разве что домой... Но провести вечер с родителями за телевизором – такого она не могла пожелать даже врагу.

– Не скучно одной?

Перед ней, шагнув из тени, появился Чак. Она окинула его оценивающим взглядом. Мужчин для своего возраста она повидала немало и позволяла им многое, но последний рубеж – девственность – не сдавала. Ей нравилось тискаться в машине, отчаянно сопротивляться и в конце концов сдавать позицию за позицией – кроме последнего бастиона. Мать столько раз предупреждала ее от незнакомых мужчин держаться подальше, что это предупреждение стало поперек горла.

По-своему Чак был привлекателен. Невысокий, коренастый, крепко сбитый. Длинные рыжеватые волосы и борода пришлись ей по вкусу. Лицо независимое, беззаботное, при всей неправильности черт красивое. В нем чувствовалось мужское начало.

Они пошли на пляж, выкупались нагишом. Чак совершенно не стеснялся своей наготы, чем убил в Мег последние остатки робости, – она сняла с себя одежду.

Когда они добрались до моря, он предложил: «Поплаваем?» Тут же разделся донага и, не успев Мег прийти в себя, бросился в воду. Поколебавшись мгновение, она последовала его примеру, а потом уступила его настойчивым ласкам.

Первый в ее жизни акт любви прошел с блеском. Недостатков у Чака хватало, но доставить удовольствие женщине он умел.

– Ты мне нравишься, Мег, – сказал он, когда, исчерпав любовный пыл, они лежа отдыхали друг подле дружки.

– Деньги у тебя есть?

Вскоре выяснилось, что Чака по-настоящему интересуют лишь две вещи: деньги и женщины. У Мег и вправду было отложено триста долларов – дарили богатые родственники, вот она и скопила за многие годы – «на черный день», как говаривала ее мамаша. Черный день пока не наступил, но стоит ли ждать его прихода?

Чак сказал ей, что собирается во Флориду. Хочет погреться на солнышке. Нет, ничем особенным он не занимается. Когда деньги кончатся, устраивается на работу – какая подвернется; как немножко отложит, сразу снимается с якоря. Для него такой образ жизни в самый раз. А для нее? А ведь, пожалуй, тоже. «Трех сотен, – сказал Чак, – нам хватит на целую вечность. Давай двинем во Флориду вместе?»

Именно этой минуты Мег ждала весь последний год. Вот он – мужчина, который ее волнует, и на жизнь у них взгляды сходные. Сильный, самостоятельный, да и любовник что надо. Уговаривать ее не пришлось.

Они договорились встретиться на завтра на автовокзале – и вместе рвануть во Флориду.

На следующее утро, когда мать ушла по магазинам, Мег побросала в рюкзак свои нехитрые пожитки, черкнула записку, что назад не вернется, позаимствовала пятьдесят долларов, которые «на черный день» держал в доме отец, – и покинула родительский кров навсегда.

Триста долларов плюс пятьдесят отцовых кончились довольно быстро – какая там вечность! Среди прочих слабостей Чака числилась неукротимая страсть к азартным играм. Мег с замиранием сердца следила, как Чак беззаботно просаживал ее деньги, играя в кости с двумя парнями, которые прилепились к ним по пути в Джексонвилл. Когда в ход пошли последние пятьдесят долларов, Мег дрожащим голосом пролепетала: «Может быть, хватит?»

Парни посмотрели на Чака. Старший из них спросил:

– Ты что же своей бабе командовать позволяешь?

Чак прижал к лицу Мег широкую, короткопалую ладонь и как следует толкнул – Мег полетела вверх тормашками, ударилась о кочковатую землю, да так, что едва дух не вышибло. Когда она очухалась, Чак уже проигрался в пух и прах, а два парня с ее деньгами растворились в вечерней тьме.

– Да деньги на то и придуманы! – огрызнулся Чак в ответ на ее жалобный вопль. – Нечего тут ныть! Найдем деньги... их кругом полно, только не зевай.

Они подрядились убирать апельсины и вкалывали на жаре целую неделю, пока не наскребли тридцать долларов. Потом снова двинули в сторону Майами.

Но и этих денег хватило ненадолго: надо было что-то есть, платить за дорогу. Сейчас у них не осталось ни гроша, и Мег здорово проголодалась. Вот уже двенадцать часов во рту у нее не было и маковой росинки. Последним из того, что она съела, был поджаренный на прогорклом масле гамбургер... и все же пока она ни о чем не жалела. Да, пусть она грязная, голодная, бездомная, но это куда лучше, чем жить в постылой тюрьме, которой правят ее родители.

Ничего, завтра что-нибудь подвернется. Чак что-нибудь придумает. Она снова примостилась поудобнее, собираясь заснуть, и снова вздрогнула, подняла голову.

На первом этаже кто-то ходил!

Она ясно услышала скрип кожаной подошвы, и сердце ее учащенно забилось. Подвинувшись к Чаку, она взяла его руку и легонько ее встряхнула:

– Чак!

Он застонал, отбросил ее руку и стал переворачиваться на другой бок, но она снова тронула его за запястье:

– Чак!

– Ну какого хрена! – Он проснулся, приподнялся на локте. Даже в такую минуту исходивший от него запах грязи и пота заставил ее наморщить нос. – Чего тебе?

– Внизу кто-то ходит.

Она почувствовала, как напряглись его стальные мышцы, и успокоилась. Перед его физической силой она благоговела.

– Слушай! – прошептала она.

Сбросив ее руку, он поднялся. Бесшумно ступая, подошел к двери и приоткрыл ее. Она смотрела на его широкую спину. Он чуть пригнулся, словно изготавился к прыжку, и страхи ее улеглись. Он долго вслушивался, потом закрыл дверь и вернулся.

– Да... ты права. Там кто-то есть... может, фараон.

Она уставилась на него:

– Фараон?

– Мы же нарушаем право собственности. И если какому-то фараону нейдет... – Он прикусил нижнюю губу. – Нас вполне можно упечь за бродяжничество.

– Мы же ничего плохого не делаем... бродяжничество?

Но Чак ее не слушал. Из кармана брюк он вытянул какой-то предмет и сунул его в руку Мег:

– Засунь себе в трусы. Если это фараон, лучше пусть у меня этого не будет, а то еще найдет...

– Чего «этого»?

– Ножа, бестолковая!

Он подошел к двери и неслышно открыл ее. Мег видела, как он вышел, остановился у начала ступеней. Потом она перевела взгляд на костяную рукоятку ножа с хромированной кнопкой и непроизвольно нажала на кнопку. И тут же вздрогнула: из рукоятки выщелкнулись три дюйма мерцающей стали. Она понятия не имела, как убрать лезвие обратно в рукоятку, поэтому подскочила на ноги, прошла в другой конец комнаты и спрятала нож под кучу ободранных, заплесневелых обоев. Потом вышла вслед за Чаком. Он сделал ей знак: тихо! Так они стояли не шевелясь и вслушивались. Но, кроме гулкого тиканья собственного сердца, Мег ничего не слышала.

– Пойду вниз, – прошептал Чак.

Мег вцепилась ему в руку:

– Не надо!

Казалось, он только этого и ждал. Похоже, он был испуган не меньше ее, и она в нем слегка разочаровалась. Они еще некоторое время прислушивались, и тут из комнаты слева от холла донесся ясный звук шагов. Человек – виден был лишь темный силуэт – вошел в холл. Заметив красный огонек сигареты, Чак сразу успокоился. В любом случае это не фараон. Фараоны на дежурстве не курят.

– Кто там? – спросил он, и Мег его голос показался строгим и зычным.

На минуту наступила пауза. Тусклый силуэт не двигался, потом на них ударил луч мощного фонаря, заставив отпрянуть. Через секунду-другую луч исчез, и они вообще перестали видеть что-либо.

– Дай нож, – прошептал Чак.

Мег, спотыкаясь, вернулась в комнату, добежала до груды обоев и нашла нож.

– Я увидел, дверь открыта, – объяснял мужской голос снизу, когда Мег встала рядом с Чаком, – вот и вошел.

Жаркие, вспотевшие пальцы Чака сомкнулись на рукоятке ножа.

– Как вошел, так и выходи, – прорычал он. – Мы тут по праву первого. Так что проваливай!

– По-моему, тут всем хватит места. У меня еда есть. А одному ужинать неохота.

При мысли о еде у Мег сразу закололо в желудке, потекли слюнки. Она стиснула руку Чака. Он понял ее – ведь и сам как следует проголодался.

– Я думал, ты фараон, – миролюбиво объяснил он. – Поднимайся сюда.

Человек ушел в комнату возле холла и тут же вернулся, неся рюкзак. Подсвечивая себе фонарем, начал подниматься по ступеням.

Чак ждал его с ножом в руке, отпихнув Мег подальше, к комнате, в которой они спали. Она застыла в дверях, с бьющимся сердцем наблюдая, как приближается непрошенный гость.

Не спускал с него глаз и Чак. Он видел лишь высокий силуэт: человек был на голову выше Чака, но худощав и отнюдь не широкоплеч. «В случае чего управимся», – решил Чак.

– Дай фонарь.

Человек протянул ему фонарь. Перехватив его, Чак резко направил луч в лицо пришельца.

Увидев это лицо, Мег оцепенела. Перед ними стоял индеец-семинол. По дороге из Джексонвилла им встретилось несколько индейцев этого племени, и сейчас она узнала эти густые иссиня-черные волосы, темную кожу, выступающие скулы и узкие черные глаза. Индеец был красивый и молодой – года двадцать три или двадцать четыре, только лицо какое-то бесстрастное, застывшее, окаменевшее, и Мег стало не по себе. На нем была желтая рубашка в белый цветочек, темно-синие джинсы, коричневые стопы обуты в веревочные сандалии-плетенки.

Он стоял спокойно, позволяя им разглядывать себя. В свете фонаря Мег показалось, что в глазах его тлеет огонь.

– Как тебя зовут? – спросил Чак, направив луч фонаря на пол.

– Пок Тохоло, – ответил индеец. – А тебя?

– Чак Роджерс... А это моя девушка, Мег.

– Давай ужинать.

Освещая путь фонарем, Чак повел незваного гостя в комнату. Мег уже сидела там возле своего рюкзака, а желудок ее посылал сигналы бедствия.

Пок бухнул свой рюкзак на пол, склонился над ним, развязал тесемки, достал из него две свечи и прилепил к полу. Потом забрал у Чака фонарь и убрал его в рюкзак, а на свет извлек пластиковый пакет, в котором лежали аппетитный жареный цыпленок и несколько кусков ветчины.

– Эй! Откуда такая роскошь? – воскликнул Чак, выпучив глаза. Он даже вспомнить не мог, когда в последний раз ел цыпленка.

Пок взглянул на него:

– Какая тебе разница? – Он ловко поделил цыпленка на равные части, орудуя ножом с костяной рукояткой.

Ели они молча, вгрызаясь в цыпленка с яростью и довольством. Мег заметила, что индеец то и дело поглядывал на Чака. В ее сторону он не взглянул ни разу.

Покончив с трапезой, Чак откинулся на спину, уперся локтями в пол.

– Ну, брат! Славно подхарчились! Ты куда путь держишь?

Пок достал пачку сигарет.

– В Парадиз-Сити. А вы?

– В Майами вроде собирались.

Они прикурили от пламени свечи.

– А работа там у тебя есть? – спросил Пок. Он сидел, скрестив ноги, оперев руки в колени.

– Найду.

– Так уверен? – Пок внимательно посмотрел на Чака. – Фараоны всякое отребье не жалуют.

Чак застыл, оцепенев от такой наглости:

– Ты это меня назвал отребьем?

– А кто же ты есть? Весь грязный, и воняет от тебя.

Мег вздрогнула. Ведь сейчас Чак кинется на этого индейца с ножом! Но Чак, как ни странно, остался сидеть на месте.

– По мне, лучше быть отребьем, чем краснокожим дикарем, – подал голос он. – Думаешь, тебе работу на тарелочке поднесут?

– Мне работа не нужна.

Чак насторожился:

– У тебя что же, деньжата водятся?

Пок кивнул.

– И сколько? Десять долларов? Спорить буду, что не больше!

– Завтра я покупаю машину.

Чак присвистнул сквозь зубы.

– Машину? Какую?

Пок пожал плечами:

– Что-нибудь подешевле... подержанную. Главное, чтоб ездила. Мне нужна машина.

– Мать честная! – Чак долго смотрел на индейца, что-то обдумывая. – Слушай! А что, если нам втроем сколотить компанию? Доберемся вместе до Парадиз-Сити... Что скажешь?

Мег, слушая, восхитилась Чаком – молодец, без комплексов. Так и надо. Не попросишь – не получишь.

– А зачем нам объединяться? – после паузы спросил Пок.

– Хуже-то тебе не будет. Одному в дороге – тоска. А с нами – все веселее.

Пок поднялся, отнес рюкзак в дальний конец комнаты, подальше от Чака и Мег, и там уселся на пол.

– Ты что, глухой? – крикнул Чак. – Хуже-то тебе не будет!

– Подумаю. А сейчас я хочу спать. Задуйте свечи... они денег стоят. – И Пок вытянулся на полу, повернулся к ним спиной и положил голову на рюкзак. Чак и Мег переглянулись.

Мег задула свечи. Над ними сомкнулась тьма. Прошло несколько минут, прежде чем их глаза привыкли к лунному свету. Пок как будто уже заснул. По крайней мере, дышал он ровно и спокойно.

Улеглись и Чак с Мег.

Утолив голод, намытарившаяся за день Мег заснула мгновенно, а Чак... Чак и не думал спать, мозг его всюду трудился.

Блефует этот индеец или нет? Неужто и вправду собирается покупать машину? Может, он решил пустить им пыль в глаза... а если нет? Тогда деньги либо на нем, либо в рюкзаке.

Чака прошиб пот. Как минимум у него должны быть две сотни долларов! Поганый индеец с двумя сотнями долларов!

Его толстые короткие пальцы сомкнулись вокруг рукоятки ножа. Задача не из трудных. Прокрасться в другой конец комнаты, один взмах ножом – и дело в шляпе.

Кое-какой опыт на этот счет у Чака имелся. Если бы он шел на мокрое дело впервые... но на его счету уже числились два покойника. Одним больше, одним меньше – велика ли разница?

Потом он вспомнил Мег и поморщился. Незачем было тащить ее с собой. Если он убьет индейца, она жутко развопится – это точно. Пальцы его крепче стиснули нож. «Две сотни долларов! Что ж, будет выступать – и ее отправим по тому же адресу». Когда найдут тела, он будет за много миль отсюда... так их надо еще найти.

Тыльной стороной ладони он вытер вспотевшее лицо.

Так тому и быть! Только надо немного выждать. Сон у индейца пока не глубокий. Пусть забудется в глубоком сне... тогда вперед!

– Чак?

Заслышав голос индейца, Чак оцепенел.

– Я сплю чутко, и у меня есть пистолет. – Помолчав, Пок добавил: – Поговорим завтра.

Пистолет!

Пальцы Чака сами собой разжались. Этот паразит словно прочел его мысли.

– Да заглохни ты, – пробурчал он. – Я уже засыпаю.

– Поговорим завтра.

Вскоре Чак и вправду заснул.

На завтрак Пок выложил еще ветчины, немного черствого хлеба и бутылку кока-колы.

Ели они молча, но Мег снова заметила: Пок все поглядывает на Чака и в его глазах блещут огоньки, будто он взвешивает, стоит иметь с Чаком дело или нет.

Когда они поели, Чак без лишних церемоний спросил:

– Если купишь машину, нас подвезешь?

Пок подошел к своему рюкзаку, достал из него электробритву с батарейным питанием, карманное зеркальце. Приткнул зеркальце к оконной раме, начал бриться.

Чак сжал кулаки, лицо налилось кровью.

– Ты не слышал, что я сказал?

Пок взглянул на него и продолжал бриться. Когда закончил, обронил:

– Я еще думаю. – Продув ножи, он убрал машинку и вытащил полотенце и кусок мыла.

– Тут рядом канал. Идем?

Сердце Чака бухнуло под ребрами. Вот он, его шанс! Подальше от Мег. Он убьет этого индейца, а потом вернется и скажет ей, что краснокожий утонул. Поверит она или нет – ее дело, но свидетельницей она уже не будет.

– Пошли.

Вслед за Поком он вышел из комнаты. Но у лестницы вдруг спохватился:

– Черт! Полотенце забыл.

Пок с каменным лицом посмотрел на Чака:

– Скажи ей, пусть не дергается. Деньги при мне. – Он пересек холл и вышел на воздух.

Чак вернулся в комнату, перекошенный от ярости. Порылся в рюкзаке, извлек оттуда отсыревшее, грязное полотенце. Мег спросила:

– Как ты думаешь, он возьмет нас с собой?

– Откуда мне знать? – рявкнул Чак и вышел.

Он догнал Пока, и через подлесок они направились к каналу.

«Разденемся, – думал Чак, – тогда я его и порешу. А кровить свою одежду нечего. Коленом в пах, потом ножом – и порядок».

Вот и канал. На поверхности воды плясали солнечные блики. По ту сторону канала виделось шоссе 27, ведущее в Майами. В этот ранний час никакого движения на трассе не было.

Чак стянул через голову засаленную рубашку, поиграл мускулами. Пок отошел чуть в сторонку, разделся и стал у края канала.

Чак увидел: его тонкая талия обхвачена пластиковым поясом для денег. И явно не пустым. Глаза Чака сузились. Но когда он окинул взглядом фигуру Пока, ему стало слегка не по себе. Такого торса он еще не видел. Плоские мышцы колыхались при каждом движении, будто рябь на поверхности воды. Не тело, а гибкая сталь... Чак вдруг потерял уверенность в собственных силах. Да, этого индейца голыми руками не возьмешь. Впрочем, зачем голыми? Рука юркнула в карман, и пальцы нащупали рукоятку ножа.

Между тем Пок нырнул в воду и, делая мощные гребки, поплыл к дальнему концу канала. Отвернувшись, Чак вытащил из кармана плотную эластичную ленту и обмотал ее вокруг кисти. Сунул под нее нож. Потом скинул брюки, отшвырнул с ног ботинки и тоже нырнул. Пловец он был плохонький и рыбой себя в воде не чувствовал никогда. Пок же, расслабившись, лежал на спине. Тяжелыми гребками вспарывая воду, Чак поплыл к нему. Резкое движение снизу вверх – и индейцу конец, только надо успеть стащить пояс, прежде чем тело пойдет ко дну.

– Хороша водичка, да? – выдавил он из себя хрипло.

Пок кивнул.

Чак подгреб чуть ближе. Они были уже совсем рядом, как вдруг Пок скрылся под водой. Скрылся, будто не было, осталась только легкая рябь.

Выругавшись про себя, Чак ждал, глаза его шарили по поверхности канала. Вдруг чьи-то крепкие пальцы обхватили его лодыжки, и его потянуло вниз, вода ворвалась в рот, в ноздри. Он отчаянно задергался, заколотил ногами; наконец хватка ослабла, пальцы на его лодыжках разжались. Он выскочил на поверхность, отплевываясь и глотая ртом воздух. Проморгавшись, он увидел Пока: тот спокойно уплывал от него. А нож, прихваченный лентой к кисти, исчез!

Ошалев от гнева, позабыв об осторожности, Чак яростно погреб к берегу, но Пок без труда его опередил. Он уже стоял в независимой позе, когда Чак, карабкаясь, только вылезал из воды.

Чак, снедаемый яростью, бешеным быком пошел на Пока: голова втянута в плечи, пальцы – словно щупальца-крючья. Пок уклонился от нападения и тут же ловкой подножкой лишил Чака точки опоры – тот рухнул как подкошенный. В ту же секунду Пок навалился на него. Прижал к земле, надавил коленом на грудь, и в руке индейца Чак увидел собственный нож. Острое, словно бритва, поблескивавшее лезвие прикоснулось к горлу Чака.

Чак похолодел. Он посмотрел в блестящие черные глаза и с ужасом понял: вот сейчас жизнь вытечет из него тонкой струйкой.

Пок не сводил с него глаз, острие ножа покалывало кожу.

– Ты хотел убить меня? – негромко спросил он. – Только не ври! Говори правду!

– Я хотел забрать деньги, – выдохнул Чак.

– Тебе так нужны деньги, что ты готов убить человека?

Они посмотрели друг на друга, потом Пок встал и отошел на пару шагов. С трудом поднялся на ноги и Чак. Его трясло, по лицу струился пот.

– Тебе нужны мои деньги? – спросил Пок. – Забирай, если сможешь. – Он похлопал по пластиковому поясу. – Здесь двести двадцать долларов. – Он посмотрел на нож и, держа его за лезвие, протянул рукояткой к Чаку. – Держи.

Ошарашенный, Чак выхватил нож. Пок спокойно смотрел на него.

– Забирай мои деньги, если сможешь.

Чак посмотрел на индейца. Эти блестящие глаза, эта неподвижность... будто кобра изготовилась к прыжку. Чак испугался – и не выдержали нервы. Нож выскользнул из его пальцев и упал на траву.

– Значит, все-таки не дурак, – попытожил Пок. – Иди умойся. От тебя воняет.

Присмиривший Чак взял кусок мыла, который протянул ему Пок, и пошел к воде. Он мылся и вытирался. Пок тем временем успел одеться, присел на бережок и закурил сигарету. Он подождал, пока Чак натянет на себя свое грязное тряпье, потом жестом подозвал его.

Чак, словно загипнотизированный кролик, подошел и сел рядом.

– Я искал такого, как ты, – сказал Пок. – Человека без совести. Ты был готов ухлопать меня за двести двадцать долларов... а сколько ты убьешь за две тысячи?

Чак облизнул губы. Этому индейцу место в психушке. Он вспомнил, как нож едва не вонзился ему в горло, – и содрогнулся.

– Ты живешь как последняя свинья, – продолжал Пок. – Чумазый, вечно голодный, воняет от тебя хоть нос затыкай. Посмотри на меня! Если мне что-то нужно, я это беру. Я брьюсь, потому и украл бритву. Цыпленка с ветчиной украл в супермаркете. И деньги эти украл. – Он постучал себя по талии. – Двести двадцать долларов! Сказать, как я их украл? Очень просто. Человек меня подвез, а я его припугнул. Пистолетом. А когда человек испуган, он готов заплатить, лишь бы его оставили в покое. Я просто показал ему пистолет, а он выложил денежки. И никаких проблем. Страх заставляет богачей открывать бумажники и сумочки. – Он повернулся к Чаку и посмотрел на него в упор. – Я изобрел формулу, как внушить людям страх.

Чак понял только одно: связываться с этим индейцем опасно. Ведь явный же псих!

Из кармана рубашки Пок извлек пачку сигарет и протянул Чаку. Поколебавшись, тот вытянул сигарету и закурил.

– Расскажи мне о себе, – велел Пок. – Только без вранья. Ты мог бы мне пригодиться. Давай рассказывай.

– Пригодиться? Это как же?

У Чака возникло жутковатое ощущение: этот индеец не блефует. Две тысячи долларов!

– И что я должен делать?

– Для начала расскажи о себе.

Что ж, решил Чак, ничем особенным он не рискует. И стал рассказывать.

Грамоте он как следует не выучился. Читать умел, но писал с трудом. Мать была проституткой. Отца в глаза не видел. В восемь лет был главарем шайки пацанов, которые тибрили вещички в магазинах. Позже стал сутенером собственной мамы. Ему все время не давали житья фараоны, и в конце концов одного из них пришлось убрать. Чаку тогда едва исполнилось восемнадцать. А фараона этого все в их квартале ненавидели лютой ненавистью. Чак подкараулил его и забил до смерти железным прутком. В двадцать он схлестнулся с одним субчиком, который вообразил, что сместит Чака с поста главаря шайки. Была драка на ножах, и верх одержал Чак. Тело узурпатора выкинули в цементомешалку, и его кости с плотью легли в фундамент нового трущобного поселения. Мать закончила жизнь трагически. Чак нашел ее с перерезанным горлом. Наследство она оставила небогатое – сто долларов. Что было делать Чаку? Он навсегда расстался с родным кварталом и стал бродяжничать. Пробродяжничал весь прошлый год, жил где придется, житье было не сахар, но он не очень-то огорчался, потому что все ему в этом мире было до лампочки.

Он выбросил окурок в канал.

– Вот и вся моя биография. Так что там насчет двух тысяч долларов?

– Значит, на тебе два убийства. – Пок внимательно посмотрел на него. – Если ты идешь ко мне в дело, придется убивать еще. Ты к этому готов?

– Лучше бы не подставляться, – сказал Чак после долгой паузы. – Так что насчет денег?

– Две тысячи – это будет твоя доля.

У Чака перехватило дыхание.

– И что за такие денежки надо делать?

– План у меня продуман до последней мелочи, он сработает, тут и думать нечего, но одному мне не управиться. Расскажи-ка о своей девчонке. Может пригодиться и она.

– Мег? – Чак пожал плечами. – Сбежала из дому. Телка подходящая. Больше мне про нее и сказать нечего.

– Может пригодиться и она.

Чак, сузив глаза, задумался. Потом неохотно покачал головой:

– С мокрым делом она связываться не будет.

– Мне нужна девушка. Это часть моего плана. Можешь ее уговорить?

– Откуда я знаю? Ты же не говоришь, что надо делать! Что за план-то?

Пок холодно посмотрел на него. От этого взгляда блестящих черных глаз Чаку опять стало не по себе.

– А ты точно хочешь знать?

– Что значит «точно»? Ясное дело, хочу!

– Ты только что сказал, что лучше бы не подставляться.

– За две тысячи долларов можно и высунуться. Ну, что за план?

Пок не спускал с него пристального взгляда:

– Если я тебе скажу, а потом ты вздумаешь отказаться, живым тебе отсюда не уйти. Этот план я вынашиваю давно. И если я тебе его открою, он уже не будет моей тайной, верно? Так что назад пути нет. Либо ты со мной, либо ты покойник.

В руке индейца появился тупоносый пистолет. Только что не было, и вдруг... как у фокусника. Чак отпрянул. Оружия он боялся.

– Так что решай.

Чак посмотрел на пистолет.

– Не хочешь – бывай здоров, найду кого-нибудь другого. Но если сейчас говоришь «да», потом не отказываться.

– Сколько я на этом заработаю? – спросил Чак, чтобы выиграть время.

– Я же сказал... две тысячи долларов.

– А эти убийства... все будет шито-крыто?

– Убить придется троих... все будет шито-крыто. План у меня надежный. Я и сам не собираюсь подставляться, но моя доля будет больше твоей.

Две тысячи долларов! Это же целое состояние!

– Я согласен! Давай рассказывай, – заявил он.

Пок убрал пистолет в карман.

– А девушка?

– Ее я беру на себя. Уговорю.

– Страх – вот ключ, который открывает бумажники и сумочки, – повторил Пок. – Я изобрел формулу, как внушить людям страх.

Коричневое неподвижное лицо, блестящие глаза, какое-то неестественное спокойствие... Чак едва не выкрикнул: «Не надо, ничего не говори!» Но снова подумал о деньгах и заставил себя промолчать.

По лбу его сбежала капля пота, скатилась по переносице и с носа сорвалась на подбородок.

Слушая план индейца, Чак понимал: да, тут и вправду можно здорово пожить.

– Нам нужна винтовка с оптическим прицелом, – сказал в заключение Пок. – Я знаю в Парадиз-Сити оружейного мастера, тут проблем не будет. Как только достанем винтовку – за дело.

– А ты Парадиз-Сити знаешь? – спросил Чак.

Странная, горьковатая улыбка заиграла на губах Пока.

– Да. Когда-то я там жил. Да, я его знаю.

В Чаке проснулось любопытство. Он выложил индейцу всю свою подноготную. Должен тот хоть что-то сказать о себе взамен?

– Ты там работал?

Пок поднялся:

– Сейчас на очереди – машина. – Он внимательно посмотрел на Чака. – Ты со мной?

Чак кивнул:

– С тобой.

– Поговори с девушкой. Если ты в ней не уверен, оставим ее здесь. Найдем другую.

– Ладно.

Пок направился в сторону шоссе. Чак посмотрел ему вслед, потом подобрал полотенце и с нелегким сердцем побрел к бесхозному дому.

Чак дал Мег выкупаться в канале, а когда она стала сушить волосы, подсел к ней на берегу.

Полчаса назад Мег, вся изведаясь от ожидания, накинулась на Чака: ну что, возьмет их Пок с собой в машину или нет?

– Иди умойся, – сказал ей Чак. – Потом поговорим.

Теперь, когда он сел рядом, она повторила вопрос:

– Мы едем с ним?

– Я – да, – ответил Чак, не глядя на нее.

Мег выронила полотенце. Она похолодела от страха.

– Ты – да? А я?

Чак вырвал горсть травы и подкинул ее в воздух.

– Пожалуй, дальше тебе лучше идти своей дорогой.

– Как это? – Мег приподнялась на колени. – Ты что же, меня бросаешь?

В глазах ее он увидел панику, но ухмылку скрыл. Откинулся на спину, сунул руки под голову и уставился в голубое небо.

– Понимаешь, крошка, мне такая жизнь обрыдла. Мне нужны деньги. – Из кармана рубашки он вытащил смятую пачку сигарет. – Курить будешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.